

Глава первая

В случае чего

Утром Шая остановил меня на проходной и сказал, чтобы я передвинула стол в своем кабинете в прежнее положение, а то, не дай Бог, в случае чего, меня пристрелят через окно в затылок.

Решив побороться за уют на новом месте, я возразила, что если поставить стол в его прежнее положение — боком к окну, — то мне, в случае чего, отстрелят нос, а я своим профилем, в принципе, довольна.

Мы еще попрепирались немного (мягко, обтачивая друг на друге пресловутую библейскую жестокость), но в иврите я не чувствую себя корифеем ругани, как в русском. В самый спорный момент его пиджак заурчал, забормотал неразборчиво, кашлянул, — Шая весь был опутан проводами и обложен рациями. Время от времени его свободный китель неожиданно, как очнувшийся на вокзальной скамье алкоголик, издавал шепелявые обрывистые реплики по-русски — это два, нанятых в местной фирме, охранника переговаривались у ворот. Тогда Шая расправлял плечи или переминался, или громко прокашливался, — словом, совершал одно из тех неосознанных движений, какие совершает в обществе человек, у которого забурчало в животе.

12 Часом позже всех нас собрали в «переключке» для недельного инструктажа: глава департамента *Бдительности* честно отработывал зарплату. А может, он, уроженец благоуханной Персии, искренне считал, что в этой безумной России каждого из нас подстерегают ежеминутные разнообразные ужасы?

В случае чего, сказал Шая, если будут стрелять по окнам кабинетов, надо падать на пол и закатываться под стол.

Я отметила, что огромный мой стол, в случае чего, действительно сослужит хорошую службу: под ним улягутся в тесноте, да не в обиде, все сотрудники моего департамента.

Если будут бросать в окна бутылки с «коктейлем Молотова», продолжал он, всем надо спуститься на первый этаж и выстроиться вдоль стены в укрепленном коридоре возле департамента *Юной стражи Сиона*. Не курить. Не разговаривать. Соблюдать спокойствие. А сейчас порепетируем. Па-ашли!

Все шестьдесят семь сотрудников московского отделения Синдиката гуськом потянулись в темный боковой коридор возле *Юной стражи Сиона*. Выстроились вдоль стены, негромко и невесело перешучиваясь. Постояли... В общем, все было как обычно — очень смешно и очень тошно.

Прошли минуты две.

Все свободны, сказал Шая удовлетворенно. В его идеально выбранной голове киллера отражалась лампа дневного света, густые черные брови шелковистыми гусеницами сползли со лба к переносице. Пиджак его крякнул, буркнул: «Коля... жиды в домике?... дай сигаретку...»

За шиворотом у него жил диббук, и не один...

* * *

О том, что в моей новой должности ключевыми словами станет оговорка «в случае чего», я поняла еще в Иерусалиме, на инструктаже главы департамента *Бдительности* Центрального Синдиката.

Мы сидели за столом, друг против друга, в неприлично тесной комнатенке в их офисе в Долине Призраков — так эта местность и называлась последние несколько тысяч лет.

Глава департамента выглядел тоже неприлично молодо и легкомысленно. Была в нем сухопарая прожаренность кибуцника: выгоревшие вихры, брови и ресницы, и веснушки по лицу и жилистым рукам. Меня, впрочем, давно уже не вводили в заблуждение ни молодость, ни кибуцная затрапезность, ни скромные размеры кабинета. Я знала, что это очень серьезный человек на более чем серьезной должности.

На столе между нами лежали: ручка, затертая поздравительная открытка и небольшой ежедневник за 97-й год...

— ...и должна быть начеку постоянно, — говорил он. — Проснулась утром, сварила кофе, выгляни между глотками в окно: количество автомобилей во дворе, мусорные баки, кусты, качели — все ли так, как было вчера?.. Перед тем, как выйти из квартиры, загляни в глазок: лестница должна хорошо просматриваться... Не входи в лифт на своем этаже, поднимись выше или спустись на пролет... И ни с кем в лифт не входи — ни со старухой, ни с ребенком, ни с собакой... Общественный транспорт в Москве для тебя заказан, — только автомобиль с личным водителем...

Заметил тень усмешки на моем лице, согласно усмехнулся и кивнул на стол:

— Возьми эту ручку... Отвинти колпачок...

Из отверстия выскочили и закачались две легкие пружинки.

— Это бомба, — сказал он. — На такой подорвался наш синдик в Буэнос-Айресе, в семьдесят третьем... А теперь возьми открытку: она пришла по почте в день твоего рождения, вместе с десятком других поздравлений.

Я заглянула в створчатую открытку с медвежонком, улетающим на шаре. Внутри было размазано небольшое количество пластилина с вмятой в него металлической пластиной.

— Это бомба, — повторил он ровно. — На такой подорвался наш синдик во Франции, в восемьдесят втором... Теперь, ежедневник...

Я взяла блокнот, пролистнула несколько страниц. Со второй недели ноября и насквозь в толще всего года было вырезано дупло, в котором змейкой уютно свернулась пружина.

— Это бомба, — продолжал он. — На такой подорвался наш синдик в Уругвае, в семьдесят восьмом...

Я подняла глаза. Парень смотрел на меня пристально и испытующе. Но была еще в его взгляде та домашняя размягченность, по которой — независимо, будь то в стычке или душевной беседе, — я отличаю соотечественников, где бы они мне ни встретились...

Елки-палки, подумала я, не отводя взгляда, что ж я делаю?!

— Ничего-ничего, — он ободряюще улыбнулся. — Возьми-ка... — и подал брелок, крошечный цилиндр из какого-то белого металла. — Вот, в случае чего... Когдаходишь в темный подъезд или в подворотню... Да не бойся, это всего лишь лазерный фонарик... Срок годности — десять лет...

...Я вышла из офиса Синдиката и перешла на противоположную сторону улицы, где под огромным щитом, возвещающем о ближайших сроках сдачи трамвайной линии на этом участке пути, в тени под тентом своего шляпного лотка, облокотившись на обшарпанный прилавок, сидел на высоком табурете толстый старик. Я уже примеривала здесь шляпы — неоправданно, на мой взгляд, дорогие. Даже на уличном лотке цены соответствовали этому respectable району Иерусалима, в котором жили потомки давних переселенцев, «старые деньги», черт их дер...

И на сей раз я сняла с крючка широкополую шляпу из черной соломки. Старик тут же услужливо придвинул ко мне небольшое круглое зеркало на ржавой ножке.

Да... мое лицо всегда взывало к широким полям, всегда просило шляпу. Черную шляпу, которая, впрочем, облагораживает любое лицо...

На меня из зеркала из-под обвисших крыльев дохлой черной чайки смотрела (вот достойная задача для психоаналитика!) — всегда чужая мне, всегда незнакомая женщина... Я — чайка! чайка!

— Тебе страшно идет... — произнес старик. Видно было, как он страдал от жары. Пот блестел у него на лбу, скатывался по седой щетине к толстым губам, пропитал линияющую синюю майку на груди и на брюхе... — Страшно идет!

— Положим... Сколько же?

— Видишь, она одна такая. Она и была всего одна. Ждала тебя две недели...

— Ты еще спой мне арию Каварадосси, — сказала я бесстрастно, только так с ними и надо разговаривать, с этими восточными торговцами. И шляпу сняла, чтоб он не думал, что я прикипела к ней сердцем. — Так сколько?

— Причем, взгляни — какая работа: строчка к строчке, и ты можешь мять ее, сколько хочешь, ей ничего не сделается...

— Короче! — сказала я.

— Семьдесят.

— С ума сойти! — Я опять надела шляпу. Она действительно чертовски мне шла. Впрочем, мне идут все на свете широкополые шляпы. — За семьдесят она и тебе пойдет.

— Меньше невозможно. Это ручная работа.

— А я думала — ножная... Возьму, пожалуй, эту кастрюлю для разнообразия гардероба. За сорок.

— Издеваешься?! Смеешься над людьми, которые тяжким трудом, в ужасных условиях...

— Нет, не за сорок, конечно, это я загнула. За двадцать пять...

Я опять сняла шляпу и положила на фанерный прилавок.

— Постой! — он понял, что я собираюсь уйти. — Могу сбавить пять шекелей просто из симпатии. Она тебе очень идет. Я глаз не могу отвести.

— В твоём возрасте это нездорово. Если сейчас ты не отдашь мне этот ночной горшок за сорок шекелей, разговор окончен...

— Забирай за шестьдесят пять, и будешь благодарить меня!

— Я уже благодарна тебе по гроб жизни, ты меня развлекал. Накрой своей шляпой знаешь что? Сорок пять шекелей — звездный час этой лохани, и не отнимай моего драгоценного времени...

— Шестьдесят пять, и разойдемся, довольные друг другом!

— Я и так довольна. Мой-то кошелек при мне. А ты торчи здесь, на солнцепеке, до прихода Машиаха.

И повернувшись, под призывно возмущенные его вопли — вот теперь главное не оглядываться, тем более что в кошельке у меня всего тридцать пять шекелей, а надо еще домой возвращаться, — бодро пошла прочь.

Но шагов через пятьдесят остановилась у ближайшего кафе и села за плетеный столик, вынесенный в тень старого могучего платана.

В три часа дня, в вязкую августовскую жару я была единственной чуть ли не на всей улице, если не считать старика-шляпника и легиона неустрашимых кошек, которых в изобилии плодит Иерусалим.

— Кофе... двойной, покрепче... И коньяку плесни...

— Минутку, гевэрет! — воскликнул бармен и принялся весело насыпать и смешивать, звякать ложечкой, нажимать на рычаг кофейного аппарата... При этом он успевал приплясывать, подпевать музыке, отщелкивать пальцами ритм на всем, что под руку попадет. Его темные кудри библейского отрока с картины художника Иванова были щедро умащены какой-то парфюмерной дрянью, какой любят намазывать свои овечьи руна местные юнцы и юницы...

Из-под тента лотка, под щитом, с которого на прохожих мчался, чуть ли не вываливаясь за край, будущий трамвай, похожий на удава с глазами красавицы-японки, за мной на-

блюдал толстый шляпник. С видом последнего иудейского пророка он восседал на табурете и делал мне какие-то знаки. Я достала из сумки очки, надела их и расхохоталась: старая сволочь показывал оттопыренный средний палец правой руки, — очевидно, потерял надежду залучить меня под свою шляпу.

Я смотрела на неугомонные руки бармена, вдыхала облачко ванили, поднятое брошенным на блюдце кренделем, и думала — что я делаю, что я делаю?!

Эта тихая улица, кренящаяся вправо, словно стремилась улечься в уже отросшую тень своих туй и платанов, весь этот город на легендарных холмах, с его ненадежными домами, мимолетными людьми, вечными оливами, синагогами, мечетями и церквями... — весь этот город, колыхаемый сухими струями горного воздуха, пришелся мне впору, тютелька в тютельку, — натягивался на меня, как удобная перчатка на руку... Мне было привычно ловко, привычно жарко и привычно лениво в этом городе, и — видит Бог! — дорога к этому кафе в Долине Призраков заняла у меня не так уж и мало лет.

Так что же, черт меня возьми, я *опять* делаю с нашей жизнью?!

Ночью я поднялась попить, прошлепала в кухню, босыми ступнями выглаживая теплый камень пола. В темноте на журнальном столике белела газета со вчерашними тревожными новостями... С более чем всегда, тревожными новостями...

Я выглянула в открытое окно и вдохнула глубину августовской ночи в безмолвном расцвете звездных полян. Далеко внизу цепочка мощных фонарей выжгла гигантскую петлю дорожной развязки Иерусалим — Мертвое море; влево, мимо белеющей срезом снятой груди холма пойдет новая дорога через Самарию... Над Масличной горой вдали — желто-голубое облако огней. Легчайшая взвесь предрас-

18 светной тишины... Уже и подростки разошлись по домам после нескольких часов блаженной ночной свободы... Нет более благодного места, чем эта земля накануне очередной войны...

Я вернулась в комнату, бесшумно легла... До утра оставалось дотянуть часа три...

— Ну? — тихо спросил рядом внятный голос мужа. — Третью ночь колобродишь. Так же спятить недолго! Ну их к черту, эти деньги! Жили до сих пор, с голоду не помирали, подаяния не просили...

— Да, — глухо подтвердила я.

— Представь эти долгие зимы, слякоть, тусклую тьму...

— Представляю...

— Давку в метро, огромный неохватный город, хамство российское, милицию-прописку... И нашу беспомощность и бесправность...

— Еще бы...

— ...к тому же, и службу с утра до вечера...

— Да...

— ...быть заложником организации, а значит, идеологии... С какой стати ты, вольный разбойник, вдруг встанешь под знамена? Ну их к черту, все они друг друга стоят!

— Вот именно...

Он в темноте, как слепец, провел ладонью по моему лицу.

— Значит, отказываемся. Да?

— Да.

— Решено?

— Решено.

— Ну и молодец. Спи...

Не продремав ни минуты, утром я набрала номер департамента *Кадровой политики* Синдиката.

— Я все взвесила... — сказала я. — Благодарю за предложение, весьма заманчивое и лестное... Надеюсь, вы правильно меня поймете... Видите ли, род моих занятий вряд ли совместим с обязанностями...

— Не понял! — отрывисто буркнули в трубке. — Род моих занятий любит ясность. Ты согласна или нет?

Я оглянулась на мужа. Он стоял, сцепив обе руки замком, показывая мне молча: «Будь тверже!»

Я отвернулась. В окне виднелся краешек сосновой роши на соседнем холме, с двумя кибитками пастухов-бедуинов, вдали — гора Скопус с башней университета, соседняя арабская деревня, торопливо заставленная коробками недостроенных домов... И надо всем — пустынное небо с прочерком шатуна-коршуна...

Все то, на что я смотрю уже десять лет... Десять лет...

— У меня ни минуты нет на твои «пуцы-муцы»! Сейчас ответь — согласна ты или нет?

— Согласна, — сказала я.

* * *

За неделю до отъезда, посреди растерянной суеты сборов, бессмысленных покупок, беспомощной беготни и ежедневного подписывания неисчислимых и нечитаемых мною бумаг в Долине Призраков (так что я б уже и не удивилась появлению призраков в моем, помутневшем от жары и напряжения, сознании), — нам удалось вырваться в Хоф-Дор, тем самым хоть на два дня оборвав затяжную истерику четырнадцатилетней дочери, не желавшей уезжать «ни в какую вашу дурацкую Россию».

Мы любили этот изрезанный кружевными петлями берег Средиземного моря между Хайфой и Зихрон-Яаковом; под высоким горбом ракушечного мыса — неглубокую бухту, на дне которой в ясную погоду видны ноздреватые базальтовые плиты, развалины затонувшего финикийского города; любили круглые белые домики-«иглу» на травяных лужайках между неохватных старых пальм; неказистый, окруженный частоколом деревянных кольев, воткнутых в песок, «Бургер-ранч», с колченогими скамейками и столами, — весь этот пляжный рай в двух босых шагах от моря, с

20 его самозабвенной, переменчивой, неугомной игрой синего с бирюзовым...

И все два дня плавали до изнеможения, до одури, безуспешно пытаясь смыть с души тягостную двойную тревогу — в ожидании «нашей» России и в ожидании нашей здешней неминуемой войны, которая уже набухала, уже сочилась гноем из всех старых ран и запущенных нарывов...

Дочь оплакивала свою жизнь.

— Вы — эгоисты!! — кричала она нам. — Через три года я буду старая, понимаете?! — старая, и всем здесь чужая!

Вечером она бродила в длинной юбке по воде, путаясь босыми ногами в тяжелом подоле, и до поздней ночи сидела с несчастной прямой спиной на горбу ракушечного мыса, глядела в море и тосковала впрок...

Из влажной глубины ночи с ропотом рождалась волна, быстро перебирая валкий гребень лохматыми лапами белой пены, дружной шеренгой катилась к нам, но выдыхалась, таяла и к мысу доплывала тончайшей кружевной шалью, фосфоресцирующей в латунном свете луны... А за ней, рыча, уже бежала другая шеренга дружных болонок из пены, и бесконечный их бег сминал любую надежду, любую робкую надежду на отмену неотвратимого...

...Наутро мы уезжали.

В последний раз сбежали искупаться «на минутку», и часа полтора никак не могли расстаться с морем. Наконец я повернула и поплыла к берегу в кипящей солнечными иглами воде, и с каждым моим подъемом на гребень волны медленно приближалась огромная пальма на берегу, взмывая небо и опускаясь, взмывая и опускаясь...

Я плыла над черными базальтовыми плитами, над развалинами финикийского города, бытовавшего под этим небом и упокоенного на песчаном дне в такой дали времен, о которой могли рассказать — и неустанно рассказывали — только эти волны; я плыла, пока не нащупа-

ла ногами дна, встала и побрела, отирая ладонями мокрое лицо...

Мои на берегу размахивали руками, указывая куда-то вверх...

Я закинула голову: два дельтаплана, покачиваясь, парили в дымной голубизне навстречу друг другу: белый, с оранжевыми полосами, и желтый, с зелеными. Казалось, они играли в какую-то игру, переговаривались, кивали друг другу, подшучивали... Их темно-зеленые тени скакали по мелким волнам. Вода подсыхала на моем лице долгими жгучими каплями.

Боже, думала я, что я наделала! Что я наделала...

Глава вторая Подъезд

Не знаю, как это получилось, но квартиру мы сняли, минуя проверку Шаи. Возможно, в то время он находился в отпуске. Многие мои коллеги жаловались, что Шая, со своей маниакально-служебной подозрительностью, не позволил снять прекрасные квартиры в центре Москвы. Он являлся, грозный и неподкупный, залезал на чердаки, спускался в подвалы, вынюхивал лестницы, высматривал в бинокль соседние здания, вымерял шагами двор, ложился на асфальт, фонариком высвечивая днища машин...

И выносил свой вердикт.

— Нет, — говорил он сурово. — Эта квартира опасна. Если поставить на крышу той школы напротив пулемет, то можно уже читать «Шма, Израэль!¹».

Или:

— Нет, из этого лифта отлично простреливается вся площадка. Если внутри укрывается террорист, а ты выходишь из квартиры, можешь заранее читать «Шма, Израэль!».

1 Шма, Израэль! — Слушай, Израиль (*иерит*). Главная молитва религиозного еврея. Читается также в минуту смертельной опасности. (*Здесь и далее прим. автора.*)

Словом, поиски квартиры для нового синдика длились неделями, месяцами, выматывали душу, озлобляли маклеров...

Мы как-то проскочили. Более того: сняли первую попавшуюся квартиру. Буквально — первую, в которую завез нас маклер Владик. Она мне понравилась сразу: небольшая, полупустая, свежотремонтированная, в одном из старых пятиэтажных домов Замоскворечья, в Спасоналивковском переулке. За одно это название я готова была выложить все положенные нам на квартиру, деньги.

— Мне нравится, — сказала я. — Берем.

Маклер Владик изумился.

— Как?! Прямо вот так, сейчас и эту? Но я приготовил вам на сегодня еще семь вариантов. Не хотите посмотреть?

— А чего там смотреть? — я хорошо помнила свою «хрущобу» на Бутырском хуторе. — От такого добра-то...

Ну и въехали на другой день со своими двумя чемоданами.

Гибрид Петроколумб (Клумбопетр), корсар среднерусской возвышенности — литая гигантская клумба, сувенир высотой с Эйфелеву башню, — плыл над Замоскворечьем под чугунными трусами, изображающими свернутые паруса. В руке он сжимал золотой вердикт, врученный Петру испанской королевой и скульптором Церетели. Вместе с разноцветными фасадами старо-новых особняков по дуге набережной, с прыскающими посреди канала фонтанами, со страшновато-сладеньким — работы Шемякина — комплексом фигур-аллегорий всех пороков человеческих в сквере на Болотной... все это вместе, по моему ощущению, убедительно пошлое, являло какую-то иную Москву, совсем не ту, что мы покинули когда-то: притягательный город-монстр, могучий цветастый китч, бьющий наповал заезжую публику золотыми кеглями куполов на свеженьких церквах.

Впрочем, не все гранитные приметы прошлого были

сброшены со своих постаментов: Ленин на метро «Октябрьская» — слободской громала в приבלатненном полупальто, с извечной кепкой, как каменюка, зажатой в кулаке, — по-прежнему к чему-то молча и властно призывал... В хорошую погоду вокруг него каталось на роликах юное население, школьная программа которого уже не была устремлена в коммунистическое завтра.

Со временем выяснилось, что наш подъезд начинен всевозможными сюрпризами. Подавляющую часть времени домофон входной двери был испорчен, так что проникнуть в дом мог каждый, кому приспичит. В квартире на первом этаже жила семья любителей-собаководов, разводящих уникальную породу гигантской болотной собаки, в темноте мало чем отличающейся от рослого пони. Люди они были занятые и не всегда трезвые, собак своих выпускали погулять без сопровождения. В сумраке подъезда те поджидали жильцов у лифта, вежливо сопя, угрюмо оттирая их плечом к стене и тяжело наступая на ноги...

И все-таки главной бедой нашего подъезда были не бомжи, не пес-левиафан, подстерегающий жильцов во тьме у лифта, а — мальчик. Кроткий мальчуган из 16-й квартиры, ангелок с голубыми глазами и славно подвешенным языком. Именно он наводил ужас на весь дом. Именно за ним приглядывали в оба взрослые, именно его провожали подозрительными и свирепыми взглядами все жильцы дома. И ничего не могли предъявить в доказательство своих обвинений.

Впервые я столкнулась с ним спустя неделю после нашего переезда.

Вошла в подъезд и ощутила явственный запах гари, ненавидимый мною с детства, когда по осени в Ташкенте жгли кучи палых листьев и я, сжигаемая астмой, металась по квар-

24 тире днем и ночью, пытаюсь найти уголок, куда бы не проникла удушающая вонь.

Слева, на желтой стене, в глаза бросались мятые почтовые ящики, частью обугленные, облитые водой. Под ними в огромной луже на кафельном полу мокли лохмотья черного пепла и валялись недоспаленные газеты, журналы, рекламные листки...

У лифта стояли двое — пожилая женщина и огненно-рыжий мальчик с лицом нежнейшего фарфорового сияния. Он напомнил мне юного финикийца с одной старинной гравюры.

— ...где я был, а где — огонь, — говорил он терпеливо и вежливо.

Женщина нервничала, наступала, угрожающе сжимала кулак перед его личиком.

— Знаем, зна-аем! Ты всегда ни при чем!!! А только где ты, там и горит! Вот погоди, если мать на тебя управу не найдет, то милиция уж выследит!!!

— Минутку, — сказала я, — здравствуйте. Я ваша новая соседка с третьего этажа. Что здесь у нас происходит?

— Да вот! — женщина кивнула на ребенка. — Беда нашего подъезда. Чуть не каждую неделю тишком дом палит!!! Видали, там, ящики? Главное, гад малолетний, всегда отпирается! И как назло, никто его за руку поймать не может! Ускользает!

Мальчик поднял вдохновенное остренькое лицо, проговорил:

— Как много на свете злых людей! Но я все стерплю. Я посылаю им свет в душе!

Слишком он был бледен и худ. У меня просто сжалось сердце. Подошел лифт, мы втроем вошли в него.

— Вы не имеете права обвинять мальчика бездоказательно, — сказала я соседке вполголоса. Она метнула на меня яростный взгляд и, выходя на своем втором этаже, в сердцах ответила:

— Не имею?! Ну-ну... Погляжу я на вас, когда вместе-то

запылаем... И главное, этот паршивец сам — с последнего этажа! — сквозь огонь будет рваться вниз. И не успеет!

Двери за ней сошлись, странный мальчик проговорил рецитативно-молитвенно куда-то поверх моей головы:

— Злые люди возводят на меня напраслину, злые люди...

Но я всем посылаю свет в душе!

Я вышла из лифта и оглянулась. Еще мгновение юнец стоял в тусклой кабине, ангельски кротко сияя огненно-рыжим нимбом волос, как рыбка-вуалехвостка в тесном аквариуме.

Двери стакнулись, лифт понесся на последний этаж...

* * *

*Microsoft Word, рабочий стол,
панка rossia, файл sindikat*

«...какое счастье, что я — человек птичий, и проснуться в пять утра мне не в тягость. Семья спит, значит, эти два заветных часа — с пяти до семи — станут моим необитаемым островом, куда я не позволю сунуть нос ни одному на свете Пятнице...

...ременная-погонная, кнутовая писательская упряжка: необходимость вывязать буквами хоть несколько слов, хоть несколько строк, будто через эти мельчайшие капилляры кириллицы мы выдыхаем в пространство переработанный воздух нашей жизни. Уже очевидно, что при моей московской круговерти ничего серьезного написать не удастся. Впрочем, обрывки этих рассветных мыслей, вчерашние картинки и ошметки разговоров все равно сослужат в будущем свою неминуемую службу.

Какое счастье — этот волшебный “ноутбук”, купленный для меня безотказным и многоопытным Костяном в лабиринтах компьютерного рынка на Савеловском. Помимо необходимых действий он еще напевает, позванивает, высылает для утреннего приветствия — без всякого моего за-

проса, — потешного человечка, карикатуру на Эйнштейна, и тот шляется по экрану, высовывает язык, грозит кулаком, смачно отхаркивается и хлопает дверью, если я даю понять, что пора и честь знать. Надо бы пожаловаться Костяну, пусть ликвидирует наглеца.

Словом, мой новый компьютер — едва ли не самая приятная сторона в этой странной жизни.

...а пока мы обрастаем бытом. В Синдикате мне выделили водителя, Славу, и мы сходу подружился — парень он, по его же словам, “битый, ушлый и крученный, как пороссячий хрен”. Коренной москвич, по образованию геолог, прошел все этапы разнообразной жизни столицы последних двух десятилетий с ее перестройками, очередями, взлетами, дефолтами и рыночной экономикой...

Каждый раз изумляет меня еще одной своей профессией, еще одним эпизодом биографии, о которых сообщает походя, роняя слова как бы случайно.

— ...помню, в бытность мою купцом ганзейским...

— Слава, поясните...

— ...да был у меня ларек на Тишинском, специями торговал... Одолжил капиталу у приятеля, — помню, целый чемодан полтинников. Его маманя наколядовала этих полтинников на поприще теневого бизнеса...

Говорок у него ладный, вкусный, московский — успокаивает. Иногда, после особенно тяжелого рабочего дня, я задремываю под его сказовую интонацию, а когда всплываю, подаю реплики по теме...

— ...и вылезают из авто мордоворо-о-ты, — выпевает Слава, — пальцы ве-е-е-ером выгибают...

— Ну?!

— Ну и остался человек — с опухшим хреном и без штиблет!

Разъезжаем мы на “жигулях”, и Слава дает понять, что в остальное время суток, — а он работает с нами неполный день, — ездит на другой машине. На какой? — Загадочно лыбится... Физиономия татарская, раскосая, башка

бритая — с виду совершенно уголовная личность. Но это-то и удобно... Вообще, со Славой я чувствую себя защищенной.

История его появления в Синдикате такова: потерпев пять лет назад провал на очередном этапе предпринимательской деятельности, Слава кинулся в ножки к соседу, Гоше Рогову, который, по слухам, варил большие дела в какой-то еврейской конторе.

Гоша, по определению Славы, — “человек недешевый, мудрый старый цапель”, в прошлом — полковник известной серьезной организации, — в девяностом вышел на пенсию и нанялся к евреям водилой. Евреи платили, что бы там о них ни рассказывали... Получив в то тяжелое время уважительную зарплату и раз, и другой, Гоша отдался новому делу всей душой; а дело поднялось и расцвело: евреи перли в свой Израиль колоннами, батальонами, армиями, как новобранцы на призыв, — знай только подавай транспорт. В этом было даже что-то неуклонное, мистическое, словно не сами они так решили, а кто-то тащил их волоком, чуть не за волосы... Так что Гоша поднимал еще ребят на извоз, те несли ему, как положено, оброк чистоганом... Построил Гоша дачу, прикупил небольшой парк машин...

Для начала он взял Славу на испытательный срок. Дело-то нехитрое, говорит мне Слава, выкручивая баранку, ловко выворачиваясь, вывинчиваясь из любой пробки, — они ж, эти израильтяне, народ легкий на подъем, шепутной, цыганистый: приехал-уехал, туда-сюда, вокзал-аэропорт, ну, иногда по городу повози, покажи им “Кремлин”, — они: “ах! ох!”, — вопят на всю Красную площадь, ребята такие непосредственные... как там Гоша называет их — между нами, конечно! — “клоуны”.

— Я сначала от их имен ошалевал, — говорит Слава. — Это ж не имена, а какие-то воровские клички! У меня дома жена заявки принимала по телефону. Записывала на бумажке. Я прихожу, читаю: “Нога Пас... Батя Бугай... Амация...” “Ты что, — говорю, — сдурела?! Ты чего мне

здесь лепишь?! Что это еще за нога? Что за бугай? Какой такой батя?! Мне ж в аэропорту стоять с табличкой, встречать людей!”

— “Не знаю, — говорит, — так Гоша продиктовал”... И вот, выходит изящная такая дамочка, Нога Паз, у них “Нога” — с ударением на “о” — чуть ли не яхонт, или что там еще драгоценное... И Батья Букай, тоже милая девушка.

А вот Амация зато... Стою с табличкой, нервничаю, все выглядываю хрупкую барышню, типа гимназистки... Оказался огромный волосатый мужик кибуцник, килограмм на сто тридцать, чуть не в резиновых сапогах, бородища — как куст боярышника... Амация, блин!

Так попал Слава в Синдикат, организацию, как ни крути, полуподпольную, своеобразный рыцарский орден. Я уже заметила: когда человек попадает в нее, даже местный, даже коренной русак, он становится членом закрытого братства. Между прочим, во всем этом есть изрядная доля романтики.

Меня Слава не упускает случая поучить жизни, зовет, как в деревнях, по отчеству — Ильинична.

— Эх, — говорит, — Ильинишна! Ну и представленница у вас! Все какая-то сентиментальность в голове, какая-то советская дружба народов... Давненько вас тут не было. Это ж, доложу я вам, — совсем другая, очень конкретная безжалостная жизнь...»

Глава третья

Синдики круглого стола

Мой патрон, Генеральный синдик региона «Россия», в прошлом — боевой полковник Армии Оборона Израиля, бесстрашный вояка, увенчанный наградами и изрешеченный пулями, — был человеком добрым и нерешительным. Де-

мобилизовавшись из армии и попав на руководящую работу, он столкнулся с суровой реальностью: обнаружил, что боевого опыта и командной жесткости совершенно недостаточно для новой его должности на гражданке.

Это был невысокий толстый человек с уютно-дамской задницей и круглым животом, с виноватыми добрыми глазами, ежеминутно готовыми увлажниться, и абсолютной неспособностью вцепиться ближнему в глотку и выкусить трахею.

По сути дела, это был Карлсон, которого сняли с крыши, лишили пропеллера и запретили какие бы то ни было игры, кроме одной. Это был бравый солдат Швейк, по недоразумению выслужившийся до капрала. Его отличал грубоватый солдатский юмор и постоянное стремление накормить и обустроить своих подчиненных. Кстати, он прекрасно готовил и крепко выпивал.

— Ну, повезло, ничего не скажешь! — заметила недели три спустя после воцарения его в должности Генерального всегда критически настроенная секретарша Рутка. — послал бог начальника, пьяницу-румына.

Звали его Клавдий — вполне обычное мужское имя. Румынские евреи часто дают сыновьям имена трубадуров и императоров. За глаза, конечно же, мы звали его Клавой.

На вопрос: «Как дела?» Клава отвечал обычно утомленным голосом: «Как легла, так и дала», — с милым мягким акцентом. У него было славное круглое лицо с ямочкой на волевом подбородке и арбузная лысина. Мягче и уступчивее человека мне в жизни встретить не пришлось.

В начале 90-х, в самую тяжелую и счастливую для Израиля страду *Великого Восхождения*, он работал здесь, в Советском Союзе, в опасных и бессонных условиях, отправляя тысячи *восходящих* в день. Именно в те легендарные годы он

30 поднаторел в русском и говорил сносно, хотя и с ошибками и забавным акцентом.

Его любило множество самых разных людей.

— Не знаю почему, — говорил он, — но стоит мне оказаться где-нибудь на банкете, за моей спиной обязательно кто-то проходит и целует меня в лысину.

Таинственное слово «*замбура*», этимологию которого я безуспешно пыталась выяснить все три года пребывания в России, в устах моего начальника иногда приобретало различные смысловые оттенки — в зависимости от его настроения. Если бывал торжественно настроен, он придавал этому слову бравурное звучание — «*замбурион*»! — при этом сопровождая слово известным жестом *преломления руки в локте*.

— Чтоб вам не было скучно, *замбура*, — говорил он, собрав всех нас, своих подчиненных, в комнате на втором этаже, которую по традиции называли «перекличкой», — знайте, что к нам опять едет группа из Министерства туризма. В конце концов, я подохну, убажая этих иерусалимских бездельников. *Замбура!*

Поскольку еврейский мир Москвы за последний десяток лет наплодил тьму разнокалиберных организаций, и все они бурлили, отмечали даты, издавали информационные листки, газеты и журналы, учреждали конгрессы, объединения, фонды, — которые затем враждовали друг с другом, — Клаву, как спонсора, время от времени приглашали выступить на публике.

Тогда он вызывал меня и говорил:

— Хотел вечером запечь баранью ногу и посидеть, как человек. Но звонил Гройс, просит выступить. Напиши несколько слов. Только не на своем высоком русском, так что я выгляжу идиотом, когда принимаюсь читать всю эту херню. Несколько простых коротких слов от души. *Замбура!*

И я писала. Писала просто, даже слишком просто. От души. Что-нибудь такое: «Дорогие друзья! Сегодня мы открываем еврейский детский сад. Дети — наше счастье. Дети — наше будущее. Все мы хотим, чтоб они были здоровы. Еврейские праздники. Еврейские песни. Еврейская душа. Все это они узнают тут».

Толстяк читал это по-русски с милым акцентом. Ему все хлопало. Замбура!

* * *

Организация наша называлась Всемирный Синдикат «*Восхождение*», или попросту — Синдикат. Ветвилась она по многим странам, выпуская свои ростки во всех местах, где существовало мало-мальски плотное еврейское население. Ну а уж страны бывшего СССР были буквально прошиты нашими стежками, исхожены вдоль и поперек нашими следопытами, евреи просчитаны, пронумерованы, оприходованы, введены в *Базу данных*. Учитывалось даже число *обращений в Синдикат*, их включали в особую базу данных, — которая так и называлась: *База данных обращений*, — даже и в том случае, если к нам попадали по ошибке, вместо прачечной или химчистки...

Полагаю, Синдикат — было последним, что еще связывало страны отошедшего в прошлое, могучего и великого Советского Союза.

Главной задачей, смыслом и целью существования Синдиката было, конечно же, — *Восхождение народа в Страну*.

О *Восхождении*, — понятии, как я сразу поняла, сакральном, — на совещаниях, съездах и в кулуарах Синдиката все говорили, как грибники о грибах (*после вчерашнего дождя пошли рыжики*), как рыбаки о рыбе (*перед штормом рыба ушла*), как садоводы о своей теплице (*если б я не встал в шесть утра укрыть розы, они бы все померзли*). При этом урожай —

32 был ли хороший год или плохой — никак не зависел от наших усилий; так же, как не зависит урожай рыжиков от желания продрогшего грибника, блуждающего по опушке в прорезиненном плаще; так же, как улов не зависит от рыбака, сиди — не сиди он над удочкой.

Помимо естественных причин *торможения еврея перед стартом*, помимо его сомнений, страхов перед Синайской пустыней, в которой, похоже, он боялся споткнуться о скрижали, разбитые еще гневливым Моисеем... помимо его укорененности в российских снегах и душевного трепета перед вечной иконой под названием «русская интеллигенция», — под ногами у нас еще путалась пышнотелая Германия, северная валькирия с зазывно распущенными власами, жирными пособиями и *прохладным европейским климатом*...

Климат! — вот что служило оправданием многим, свернувшим с пути. Да, в Иерусалиме климат всегда был жарче германского, спорить с этим просто глупо. Не считая, конечно, тех нескольких, всем известных, лет, когда в Германии *так хорошо топили*...

Словом, подразумевалось, что человеку нелегко решиться на столь крутое *Восхождение* в Святую землю. Синдикат предлагал рискующему множество подпорок, подъемников, ступеней и страховочных ремней. Размахивая молотками, мы сами вбивали в скалы крюки под неуверенные ноги *восходящих*. Мы страховали их своими спинами и плечами, подсаживали, надсаживались, обливались потом и тяжело матерились.

Эта вредная работа в полевых условиях не каждому была по плечу.

В утробе московского отделения Синдиката действовали несколько департаментов.

Одним из главных, коренных, важнейших был, конечно же, департамент *Восхождения*;

Департамент *Юной стражи Сиона*, со штатом молодых

разбитных сотрудников, работающих по договору подряда, — самым многочисленным;

Недавно созданный департамент *Загрузки ментальности* должен был исследовать самосознание наших подопечных и тренировать его, как тренируют альпинистов перед восхождением — постепенно увеличивая нагрузки.

Самым косным, громоздким, привязанным к изучению языка, был департамент *Языковедения*.

Главы департаментов, эмиссары, звались *синдиками*.

На московское представительство было нас восемь Высоких Персон Послания... — *и восемь синдигов прекрасных...*

Вот, собственно, и все...

Ах, да! Про себя и забыла.

Я занимала должность главы департамента *Фенечек-Тусовок*.

* * *

Из «Базы данных обращений в Синдикат»
Департамент Фенечек-Тусовок
Обращение номер 345:

Мужчина, уверенным басом:

— *Не подскажете ли, каков статус эстонского языка в Израиле?*

* * *

Все эти звучные названия «департаментов» означали — несколько комнатух в здании бывшего детского сада, давно не ремонтируемого, но хорошо укрепленного на случай «в случае чего». Колючая проволока поверх высокого забора, специальная будка, из которой по четырем телевизорам охранники в разных ракурсах наблюдали посетителя, посмевшегося приблизиться к железным воротам садика.

Оглавление

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая. <i>В случае чего</i>	11
Глава вторая. <i>Подъезд</i>	21
Глава третья. <i>Синдики круглого стола</i>	28
Глава четвертая. <i>Департамент Феничек-Тусовок</i>	40
Глава пятая. <i>Яша Сокол — король комиксов</i>	60
Глава шестая. <i>Будни спонсора</i>	70
Глава седьмая. <i>«Себя как в зеркале я вижу»</i>	78
Глава восьмая. <i>Марина</i>	98
Глава девятая. <i>Азария</i>	114
Глава десятая. <i>«Двойная запись — принцип бухучета!»</i>	123
Глава одиннадцатая. <i>Израильская рулетка</i>	143

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава двенадцатая. <i>...А также гроб наложенным платежом...</i>	165
Глава тринадцатая. <i>Три раввина</i>	176
Глава четырнадцатая. <i>«...со всех прелестнейших имений...»</i>	191
Глава пятнадцатая. <i>«Оторвись по полной!»</i>	200
Глава шестнадцатая. <i>В поисках потерянных колен</i>	223
Глава семнадцатая. <i>«О, святой Базилик!»</i>	232

Глава восемнадцатая. « <i>Наша высокая стезя...</i> »	243
Глава девятнадцатая. <i>Шахматный турнир</i>	253
Глава двадцатая. <i>Горящий бассейн «Пантелеева»</i>	267
Глава двадцать первая. <i>Ничто не должно повториться!</i> . . .	276
Глава двадцать вторая. <i>По грибы</i>	296
Глава двадцать третья. <i>Наш золотой лев</i>	309
Глава двадцать четвертая. <i>Операция «Горячее слово»</i>	315
Глава двадцать пятая. « <i>...Целую в десны!</i> »	340
Глава двадцать шестая. « <i>...и колеблются основы земли</i> » . . .	356

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава двадцать седьмая. <i>Наши монастырские новости</i> . . .	375
Глава двадцать восьмая. « <i>Санта-Лючия</i> »	384
Глава двадцать девятая. « <i>...и приобщитесь к дочерям израилевым...</i> »	390
Глава тридцатая. <i>Азамат и Рустам</i>	401
Глава тридцать первая. <i>Бич Божий, зависший в полете...</i> .	417
Глава тридцать вторая. « <i>...Моссад башилет за все чистоганом!</i> »	422
Глава тридцать третья. « <i>Всем приготовиться к дублю!</i> » . . .	430
Глава тридцать четвертая. <i>Песок нашей жизни...</i>	435
Глава тридцать пятая. <i>Кафе под названием «Рюм.чная»</i> . . .	447
Глава тридцать шестая. <i>Одно из восхождений Марины</i>	463
Глава тридцать седьмая. « <i>...Йогурты-уёгурты...</i> »	473
Глава тридцать восьмая. <i>Призовой фонд</i>	487
Глава тридцать девятая. <i>Последний отпуск</i>	510
Глава сороковая, <i>последняя...</i>	524